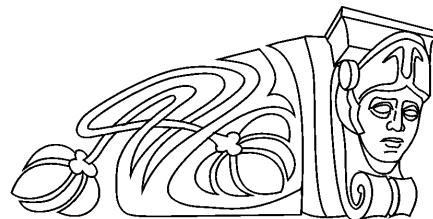

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 29–33
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 29–33

Научная статья
УДК 9476.084.62(471.313)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области)

С. Н. Джейранов

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

Джейранов Станислав Нугзарович, аспирант кафедры истории России, stas4587@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3871-0078>

Аннотация. В статье освещаются взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в конце 1920 – начале 1930-х гг., в период коллективизации деревни, которая сопровождалась разрушением традиционного мира, драматической ломкой привычного уклада жизни. В центре внимания – политика наступления на РПЦ, выражавшаяся в закрытии храмов и монастырей, воинствующем атеизме, мерах репрессивного воздействия по отношению к священникам. На примерах Рязанского и Тульского округов Московской области анализируются протестное движение крестьян против антирелигиозной политики власти, активные и пассивные формы сопротивления. Формулируется вывод о том, что сопротивление крестьян антицерковной политике власти фатально было обречено на поражение.

Ключевые слова: Московская область, РПЦ, 1920 – начало 1930-х гг., колхоз, коллективизация, церковь, сельсовет, священник, крестьянин, кулак, закрытие церквей, бунт

Для цитирования: Джейранов С. Н. Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 29–33. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

Power and the Church during the period of collectivization in the Moscow region

Stanislav N. Jayrunov, stas4587@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3871-0078>

Ryazan State University named for S. Esenin, 46 Svobody St., Ryazan 390000, Russia

Abstract. The article highlights the relationships between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the «Russian Orthodox Church») in the late 1920s and early 1930s, during the period of collectivization of the villages, which was accompanied by the destruction of traditional life, a dramatic violation of the usual way of life. The focus is on the policy of attacking the Russian Orthodox Church, expressed in the closure of churches and monasteries, militant atheism and repressive measures against priests. The examples from the Ryazan and Tula districts of the Moscow Region analyze the protest movement of peasants against the anti-religious policies of the authorities, active and passive forms of resistance. At the end of the article, the author concludes that the resistance of the peasants to the anti-church policy of the authorities was fatally doomed to be defeated.

Keywords: Moscow Region, Russian Orthodox Church, 1920s – early 1930s, collective farm, collectivization, church, village council, priest, peasant, fist, church closure, riot

For citation: Jayrunov S. N. Power and the Church during the period of collectivization in the Moscow region. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 29–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В российской исторической науке изучены религиозные настроения деревенского населения в период коллективизации сельского хозяйства. Есть фундаментальные исследования в этой области, например, монография В. С. Батченко, в которой рассматриваются активные и пассивные формы протеста крестьянства в ответ на антицерковную

политику советского государства¹. В монографии Ж. В. Яковлевой на примере «писем во власть» и других архивных материалов анализируются формы протеста представителей всех конфессий и религиозных групп на территории Саратовского Поволжья в период коллективизации². Однако в этой проблеме еще имеются пробелы, которые

пытается заполнить автор статьи на примере Московской области.

В 1928 г. меняется формат государственно-церковных отношений. На собрании актива московской организации ВКП (б) Сталин, призвавший в условиях кризиса хлебозаготовок к наступлению на кулака, соединил его с необходимостью проведения «самой боевой антирелигиозной работы в массах»³. Утверждалось, что кулаки поддерживают религиозные организации. 8 апреля 1929 г. был принят Закон «О религиозных объединениях», который регламентировал всю деятельность религиозных организаций под контролем власти. Активизировалась деятельность «Союза воинствующих безбожников», заявившего о необходимости «безбожной пятилетки»⁴.

Стали закрываться последние монастыри, еще сохранившиеся кое-где в провинции. Так, был закрыт бывший Чернеевский женский монастырь, с 1923 г. существовавший под вывеской трудовой общины с. Старое Чернеево Шацкой волости Сасовского уезда. Устав «Свято-Николаевского религиозного общества при женской трудовой общине» был зарегистрирован 27 июля 1923 г. Шацким уездным управлением. Все постройки и богослужбное имущество были приняты в бесплатное и бессрочное пользование. Облик общины сохранил монастырский вид. На 18 десятинах земли трудились 52 бывшие монахини. Скандальное разоблачение начала спецкомиссия губмузея по госфондам. Президиум губисполкома, ознакомившись с материалами обследования комиссии, предложил губземуправлению совместно с сельскохозяйственной кооперацией, губмузеем, Сасовским уисполкомом и Шацким волисполкомом произвести с выездом на место обследование женской трудовой общины бывшего Чернеевского монастыря. Президиуму Сасовского уездного исполкома предлагалось расторгнуть договор на передачу общине построек, не относящихся к богослужбному имуществу⁵.

Дело не ограничивалось только закрытием уцелевших к тому времени монашеских обителей. Последовали аресты насельников. 23–29 июня 1931 г. были арестованы 46 монахинь ранее закрытого Тульского Успенского монастыря. Все они были осуждены по ст. 58–10 УК РСФСР⁶.

Государственная политика наступления на церковную организацию включала в себя следующие меры: закрытие и ликвидацию храмов, препятствование к осуществлению богослужбной деятельности, запрет колокольного звона, налоговое давление, завышение страховых платежей, отказ в регистрации религиозного объединения, раскулачивание священника или доведение его до отказа от сана и т. д.

Представление о характере провокационных антирелигиозных акций со стороны местных властей, обостряющих противостояние Церкви и государства в деревне, помогает сформировать пресса тех лет и архивные документы. В качестве примера

можно использовать материалы рязанской газеты «Рабочий клич». Вот некоторые выдержки из нее.

Статья под заголовком «Враг наступает» сообщала о «20-тысячной армии врагов в составе 3585 человек духовенства, 13000 членов церковных советов и 4000 сектантов». Всего в Рязанской епархии на тот момент насчитывалось 1195 молитвенных домов⁷.

В номере газеты «Рабочий клич» от 8 марта 1928 г. содержалась следующая информация. Районный совет Рязанского Союза безбожников принял установку на организацию антирелигиозной работы так, чтобы на Пасху люди шли не в церковь, а в клуб. В этих целях предполагалось провести открытые киносеансы у клубов с установкой громкоговорителей и вывесить антирелигиозные лозунги. Рекомендовалось противопоставить поповской Пасхе культурный отдых. Клубы и избы-читальни должны были отвлечь трудящихся от церкви.

Директива Президиума губернского совета профессиональных союзов и Союза безбожников, опубликованная в номере газеты от 14 апреля, рекомендовала в канун Пасхи организовать массовые вечера во всех клубах и красных уголках, используя для этого помещения учреждений и предприятий. Перед зрелищной частью планировались атеистические лекции. Начать бесплатные киносеансы планировалось в 10 ч вечера перед праздничной службой, а на следующий день организовать массовые детские утренники и киносеансы. Кроме того, Союз безбожников призывал сделать светлую седмицу буднями с общественно полезным трудом и воскресниками (в первый день Пасхи) по очистке домов, садов. В сельских клубах и избах-читальнях должны быть организованы тематические лекции с опытами по физике и химии с привлечением инженеров, агрономов и учителей.

В результате подобных провокационных действий, инспирируемых Союзом безбожников в период пасхальных праздников, в деревне вспыхивали серьезные конфликты на религиозной почве. Из «Обзора Рязанского губотдела ОГПУ о политнастроениях православного духовенства и противодействию крестьян антирелигиозным мероприятиям власти» можно найти следующие факты. «В с. Горлово Скопинского уезда на собрании, созванном местными организациями как антипасхальное, не стесняясь, с явной антисоветской агитацией выступали церковники Жуков Владимир Иванович, Шкырин Александр и Чиликин Семен, которые, сорвав собрание, вызывали граждан на демонстрацию против безбожия. Главным инициатором и руководителем со стороны являлся священник того же села. По тому же случаю взволнованной пьяной толпой 5 мая с. г. был избит член ВИКа Кудимов, на которого набросились с криками: “Бей коммунистов!” В избиении принимал активное участие член церковного совета Паршиков, подстрекаемый попом Крыловым, который до этого неоднократно выступал с проповедью против безбожия...»⁸.

Согласно информационной сводке Тульского окружкома ВКП (б) от 17 июня 1929 г., антипасхальная кампания позволила вынести два решения крестьян о закрытии храмов в Михайловском районе, а также два решения о запрещении священникам ходить по домам. В ходе кампании было прочитано 179 лекций с охватом 15 700 чел., проведены 2 факельных шествия с 3 тыс. участников, организованы 3 антипасхальных карнавала. Согласно реляции храмы посетили 270 чел., клубы и киносеансы – 1120 чел. Членов колхоза в первый день Пасхальной недели выводили на работу в поле. Проводились праздники «Первой борозды».

В той же сводке читаем следующее: «В Ивановском сельсовете Тепло-Огаревского района во время антипасхального вечера молодежи под влиянием попа Михайловского был совершен хулиганский поступок, имевший целью сорвать вечер. В окно избы-читальни, где проходил вечер, был брошен увесистый булыжник. Этот поп ведет по селам яростную антисоветскую агитацию, результатом чего 14-го мая в с. Бородиловке кулаки и зажиточные решили устроить празднование 1-го Мая по старому стилю. Под лозунгом «Праздника трудящихся» целый день в церкви была служба. Утром в этот день кулаками было организовано шествие с красными знаменами вокруг церкви. Во время шествия пелись контрреволюционные песни... Вдохновителем и организатором этого дела был местный поп Михайловский, систематически ведущий контрреволюционную работу. По сообщению Прокопчука, настроение было такое, что попу Михайловскому только оставалось призвать местное кулачество к оружию»⁹.

Оперативные сводки Рязанского и Тульского окротделов ОГПУ о ситуации и основных происшествиях в округе в связи с коллективизацией сообщали о многочисленных коллизиях. В Мишенском сельсовете Милославского района (Тульского округа) поп Амонов среди крестьян вел контрреволюционную агитацию, говоря: «Советскую власть скоро свергнут и коммунистов всех перестреляют». Поп был арестован 2 октября 1929 г.¹⁰

В начале 1933 г. Каширским райотделом ОГПУ Тульского округа был арестован священник о. Анатолий Преображенский. По показаниям свидетелей он систематически вел контрреволюционную агитацию. По их словам, батюшка собирал у себя дома верующих и «под видом раздачи святой воды» обсуждал с ними голод, тяжелую жизнь, недостатки существующей власти. Также священник якобы говорил: «Теперь народу стало понятно, что так жить нельзя, когда заставляют работать по-ударному без разгиба, а хлеба не дают, все ходят голодными». Свидетели показывали, что в результате деятельности священника «среди прилегающих селений наблюдаются нездоровые настроения». В результате «тройка» ОГПУ по Московской области приговорила о. Анатолия к заключению в лагерь сроком на три года по ст.58–10 УК РСФСР¹¹.

В том же Каширском районе иерей церкви с. Липицы Алексей Троицкий, чтобы прокормить семью устроился на работу в молочную артель. Однажды на собрании весной 1930 г. священник выступил против покупки стада коров, заявив, что власть все равно их заберет. Эти слова не остались незамеченными. На заседании рабочей бригады решили обсудить вопрос «об изоляции попа». Говорили, что о. Алексей принуждает женщин выступать против коллективизации, а на молодежь воздействует «через организацию хорового кружка». Также священника упрекали в связях с сосланным на Соловки братом – епископом Илларионом. В итоге постановили: «Просить РК ВКП (б), ввиду вышеуказанных фактов и принимая во внимание религиозное возбуждение против колхозов, изолировать попа Троицкого... Принять меры к конфискации имущества»¹².

Причины сопротивления носили не только идеологический, но и социально-экономический характер. Духовенство ориентировалось на средние и зажиточные слои деревни, от которых во многом зависело его благополучие. Именно эти слои и вместе с ними духовенство не приняли коллективизацию, направленную на их ликвидацию. Священники были приравнены к кулакам: их не принимали в колхозы, и так же, как единоличников, обкладывали непосильными налогами. Налоговый пресс и политическое давление вынуждали многих снимать сан.

В информационном письме Милославского райкома партии в Тульский окружком ВКП (б) от 27 сентября 1929 г. читаем: «В Муравляновском сельсовете поп подал заявление в РК ВКП (б) о снятии сана и о восстановлении в гражданских правах. Ячейка ВКП (б) решила созвать собрание граждан этого села и, по договоренности с попом, поставила сообщение попа о снятии сана. Поп, сделав сообщение об отречении от сана, уклонился от ответа на вопросы, которые задавались о Боге, религии и т. п. До собрания церковники усиленно уговаривали попа не высказываться на собрании, затем пытались сорвать собрание. Собрание вынесло постановление следующего содержания: “Информацию попа принять к сведению, поставить вопрос перед сельсоветом о закрытии церкви, просить райисполком и другие организации открыть в церкви школу 2–1 ступени. Просить организации не восстанавливать в правах паразитов”. РК просит оказать поддержку в открытии школы повышенного типа, т. к. в районе нет ни одной»¹³.

Главной причиной закрытия храмов на местах становилось отсутствие священника. Поэтому крестьяне вставали на защиту подвергающегося репрессивному воздействию священника, дабы не потерять приход. В спецдонесении Рязанского окротдела ОГПУ в окрисполком читаем: «В с. Ерахтур того же района комиссия по раскулачиванию зашла в дом к попу Флоренскому. Член комиссии Курицын предложил попу постричься и немедленно уехать (на это ему дали 15 минут), Флоренский так и сделал. На 2-й день в воскресенье последний должен был совершать службу, но его не было. Возбужденная толпа

женщин требовала возврата попа, и дело чуть было не вылилось в организованное выступление...»¹⁴.

В записке в Информационный отдел ОГПУ МВО приводится способ защиты священника путем давления на местную власть. «4 марта 1930 г. в с. Микитинском Спас-Клепиковского района собралась к зданию с/совета толпа женщин в 100 чел. с требованием освободить дом попа и дать гарантию, что последний не будет арестован, при невыполнении угрожали устроить демонстрацию...»¹⁵.

С конца 1928 – начала 1929 г. ОГПУ отмечало увеличение количества массовых выступлений на религиозной почве и численный рост участников в этих выступлениях. Из докладной записки Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г., составленной 15 марта 1931 г., узнаем, что по всей стране за 1930 г. было зафиксировано 13 754 массовых выступления, 1487 из них – на религиозной почве¹⁶.

В 1929 г., когда коллективизация только начиналась, вопрос о закрытии храмов решался пока еще с учетом интересов верующих. Так, например, в с. Гулынки Старожилковской волости Рязанского уезда верующим по договору было передано два здания: одно – каменное, приспособленное для культовых целей и второе – деревянное, полуразрушенное и никем не используемое. Гулынский сельский совет ходатайствовал о предоставлении старого здания церкви под избу-читальню¹⁷.

В с. Ершово Спас-Клепиковской волости за закрытие храма и использование его под клуб проголосовали большинство жителей (141 против 30). В справке Ершовского сельсовета указывалось, что в 4 км от с. Ершово в Спас-Клепиках имеется храм, который и будут посещать верующие. К ходатайству о закрытии церкви сельсовет приложил заявления граждан с просьбой не считать их верующими, поскольку они были записаны членами общины без их ведома¹⁸. В г. Спасске по решению Спасского горсовета и общего собрания рабочих и крестьян был передан под культурное учреждение собор (2323 голоса из 3374), верующим остались две, оснащенные всем необходимыми для службы, церкви¹⁹.

Большинство верующих с. Шилово Рязанского округа выразили желание использовать храм под школу, а религиозные потребности удовлетворять в церквях с. Новоселки и с. Борки. Верующие с. Елатьма, в пользовании которых находилось 7 храмов, добровольно отказались от пяти, отдав их под культпросветучреждения²⁰.

Имели место и спорные вопросы. Так, например, на заседании Рязанского уездного исполнительного комитета Рязанской губернии 22 апреля 1929 г. отмечалось, что при населении 3699 чел. в городе имеется пять больших церквей, поэтому решено было передать Соборную церковь под культурно-просветительские нужды. Однако от православной общины верующих в Рязанский губисполком было направлено заявление с просьбой не менять назначение храма. Просьба была удовлетворена²¹.

В 1930 г. по мере развертывания коллективизации созданным колхозам не хватало хозяйственных помещений. Чтобы решить эту проблему, храмы закрывали и перепрофилировали для хозяйственных нужд. Присутствовали и идеологические мотивы.

Подобные действия власти нагаливались на сопротивление верующих. Вот строки из оперативной сводки Рязанского окружкома: «23 февраля в с. Кулики Шацкого района распространился слух о разрушении местной церкви, на основании того, что председатель сельсовета сдал в утиль-сырье два церковных подсвечника. Собралась толпа женщин, и произошло большое волнение. Председателя местной коммуны ударили кирпичом по голове, а одного комсомольца поколотили за то, что он грубо разгонял собравшихся женщин. В ночь на 25 февраля в селе произошло два подпольных собрания женщин... Утром 25 февраля толпа женщин около 250 чел. собрались к совету местной коммуны и потребовали проверки церковного имущества, так как в красном уголке и других местах ими были обнаружены обломки церковной утвари и икон. Среди женщин было сильное возмущение грубым обращением председателя коммуны и комсомольцев»²².

На территории Рязанского округа по состоянию на 25 апреля 1930 г. из 835 зданий культа (в том числе 20 мечетей) 37 были закрыты, 798 продолжали функционировать²³. По сравнению с 1928 г. (1195), количество действующих храмов заметно сократилось.

Аналогичная ситуация сложилась в соседних регионах. Резонансным конфликтом сопровождалось закрытие Румянцевской церкви Ново-Николаевского района Тульского округа. В материалах бюро Тульского окружкома ВКП (б) подробно освещаются все детали этого события. После передачи церкви сельсовету в ней был украден сосуд с приборами. Факт кражи пошли освидетельствовать секретарь ячейки и Покровский. Войдя в церковь, они курили, сядились на престол и расспали «святые дары». Это стало известно верующим. В результате собрались 16 чел. бедноты и 50 чел. середняков. Выступления в большинстве были направлены против действий партячейки, а один крестьянин договорился до заявления, что бедняки – лодыри и пьяницы – не помогают государству. Выступали двое или трое бедняков и они отказались от вынесенного ими же постановления о закрытии церкви. В конечном итоге окружком партии решил немедленно открыть церковь в с. Румянцево, наложить партвызыскания на председателя РИКа, начальника РАО (районного административного отдела) и секретаря партячейки, а также создать ячейку безбожников, развернуть систематическую антирелигиозную и культурно-политическую работу²⁴.

На закрытых заседаниях бюро Ефремовского райкома ВКП (б) Тульского округа 31 мая – 1 июня 1929 г. был заслушан вопрос «О событиях в городе в связи с взятием церкви “Спас”». Эту церковь предполагалось передать под военный склад раскварти-

рованного в городе полка. В момент изъятия церковных ценностей в ночь на 27 мая 1929 г. с участием милиции и армии были поломаны некоторые иконы. Налицо были нетактичное поведение и оскорбление чувств верующих. В ответ со стороны населения последовало открытое оскорбление представителей власти, а также ругань, швыряние камнями. До этого состоялся крестный ход с иконами на святой источник. Женщины окружающих деревень требовали выступления представителя власти с разъяснениями. Изъятие церкви означало изъятие части кладбища. В этой ситуации было решено приостановить передачу кладбищенской церкви полку²⁵.

Столкнувшись с перегибами на местах, политическое руководство отреагировало статьей Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в «Правде» 2 марта 1930 г. и Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 марта того же года «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В нем руководство страны обязало партийные организации «прекратить практику закрытия церквей в административном порядке»²⁶. Например, за незаконное закрытие церкви и засыпку ее зерном в с. Кулики Шацкого района прокуратурой Рязанского округа были привлечены к ответственности член президиума и трое уполномоченных райисполкома²⁷.

В заключение следует отметить, что усиление классовой борьбы в деревне в эпоху коллективизации поставило под удар церковную организацию: большинство сельских храмов было закрыто, а священники как пособники кулака были серьезно ограничены в правах и служении или репрессированы. Воинствующий атеизм стал одним из идеологических компонентов коллективизации. Наступление на традиционные основы крестьянского мировоззрения, образ жизни и психологию вызвало ожесточенное сопротивление крестьян, в особенности женщин, в защиту веры, храмов и священства. Колхозное строительство ассоциировалось с деянием антихриста. Были сформированы определенная культура и формы сопротивления: от пассивных (тайные моления, хранение икон) до активных (срыв антирелигиозных агитационных мероприятий, открытые протесты и восстания). Борьба крестьянского мира с антицерковной политикой центральной и местной властей заведомо была обречена на поражение. Тем не менее именно она позволила сохранить отдельные храмы как очаги религиозности и элементы православной традиции в провинции. Придавленная властью традиционная сельская религиозность и вынужденный конформизм нашли выход позднее, в годы войны, в виде массовых ходатайств об открытии храмов.

Примечания

- 1 См.: Батченко В. С. Власть и вера : антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. СПб. : Петроглиф, 2019. 336 с.
- 2 См.: Яковлева Ж. В. «Марш отсюда... Церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!» : Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). Саратов : Техно-декор, 2020. 252 с.
- 3 Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. С. 145.
- 4 Алексеев В. А. «Правая оппозиция» и борьба с религией // Агитатор. 1989. № 5. С. 41, 43.
- 5 См.: В глуши лесов сосновых... // Рабочий клич : орган Рязанского губкома ВКП (б) и губисполкома. 1928. 14 апр. № 82.
- 6 Из архивной справки УФСБ по Тульской области по делу П-1433. Л. 25–30.
- 7 См.: Враг наступает // Рабочий клич. 1929. 31 авг.
- 8 Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 32–36.
- 9 Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–5.
- 10 Там же. Л. 44.
- 11 См.: Прихожане Каширских храмов, пострадавшие за веру православную в годы лихолетья : в 3 кн. / сост. протоиерей В. Коценко. Кашира : ООО «Светоч», 2012. Кн. 2. С. 5.
- 12 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П.-78627.
- 13 ГАТО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 39.
- 14 ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 376–387.
- 15 Там же. Л. 360.
- 16 См.: Трагедия советской деревни : Коллективизация и раскулачивание Документы и материалы : в 5 т. Т. 2 : Ноябрь 1929 – декабрь 1930 гг. / отв. ред. Н. Ивницкий. М. : РОССПЭН, 2000. С. 787.
- 17 См.: ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1748. Л. 62.
- 18 Там же. Л. 205.
- 19 Там же. Л. 425.
- 20 Там же. Л. 526.
- 21 Там же. Л. 99.
- 22 Там же. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 349.
- 23 Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1748. Л. 643.
- 24 См.: ГАТО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 309. Л. 174, 174 об., 175, 175 об., 176, 176 об., 177, 177 об.
- 25 Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 42. Л. 278–278 об., 280–280 об. 281.
- 26 КПСС в резолюциях и документах съездов, пленумов и конференций : в 11 т. М. : Политиздат, 1984. Т. 5. С. 103–104.
- 27 ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2(вн.1). Д. 5. Л. 655–656.

Поступила в редакцию 20.05.2020, после рецензирования 22.06.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 20.05.2020, revised 22.06.2020, accepted 05.11.2020